

Всероссийская олимпиада школьников. 2016-2017 учебный год.
Школьный этап.
Литература.
9 класс.

Продолжительность – 120 минут.
Количество баллов – 55

- 1. Отберите из представленных произведений только те, которые подходят под определение «народный эпос», подчеркните. Затем, по возможности, укажите авторов остальных произведений. [15 баллов]**

«Арап Петра Великого»	А.Пушкин
«Божественная комедия»	Данте Алигьери
«Витязь в тигровой шкуре»	Ш.Руставели
«Илиада»	Гомер
«Илья Муромец и Соловей-разбойник»	
«Калевала»	
«Князь Серебряный»	А.К.Толстой
«Король Лир»	У.Шекспир
«Манас»	
«Песнь о Нибелунгах»	
«Песнь о Роланде»	
«Повесть временных лет»	Нестор-летописец
«Робин Гуд и Ноттингемский шериф»	Народная баллада
«Смерть Короля Артура»	Т.Мэлори
«Тристан и Изольда»	Эпический роман

- 2. Прочитайте текст. Выполните целостный анализ текста, выбрав для этого ИЛИ прозаический, ИЛИ стихотворный текст. Пишите связным текстом, свободно, понятно, доказательно и грамотно. Рекомендуемый объём – 300-400 слов. [40 баллов]**

Виктор Платонович Некрасов (1911-1987)

В Сталинграде, в первом батальоне нашего полка, был знаменитый связист. Фамилии его я уже не помню, или, вернее, просто не знал, звали же Лешкой — это помню твердо. Маленький, худенький, с тоненькой детской шейкой, вылезавшей из непомерно широкого воротника шинели, он казался совсем ребенком, хотя было ему лет восемнадцать-девятнадцать, не меньше. Особую детскость ему придавали нежно-розовый, девичий цвет лица, совершенно непонятно как сохранившийся после многонедельного сидения под землей, и глаза — живые, выразительные, совсем не взрослые. Знаменит же он был тем, что много читал. Когда бы вы ни пришли на КП батальона, всегда могли застать его в своем углу, у аппарата, с трубкой и с глазами, устремленными в книжку. Наверху гудело, стреляло, рвалось (КП батальона находился в подвале мясокомбината), а

он, поджав под себя ногу, листал книгу, время от времени отрываясь от нее, чтоб крикнуть: "Товарищ шестнадцатый, четвертый вызывает".

Знакомство наше произошло не сразу — во время третьего или четвертого моего посещения мясокомбината. В ту ночь он, как всегда, маленький, ссутулившийся, сидел в своем углу и кричал кому-то, что если через час не прибудет положенное количество "семечек" и "огурцов", то четырнадцатый сам пойдет ко второму и тогда шестому не сдобровать, а заодно и одиннадцатому. Когда он прекратил свои угрозы, я попросил его соединить меня с одной из рот. Он соединил, передал мне трубку, а сам уткнулся в книгу.

Я кончил разговаривать. Он попросил закурить. Долго скручивал сигарку, глядя сощуренными глазами на коптящее пламя гильзы, потом сказал:

— Пацан ведь, совсем пацан... А туда же со взрослыми... Я не понял:

— Ты это о ком?

— Да о Петьке...

— Каким Петьке?

— Да о Ростове, — и скосил глаза в сторону книги, — не читали разве? "Война и мир" Эл Толстого... (Он так и сказал — Эл Толстого.)

Так началось наше знакомство.

Боец, читающий на передовой книгу, — сами понимаете, явление, не слишком часто встречающееся. И уже одно это должно было привлечь к нему внимание.

Сначала я думал, что он читает просто так, в минуты затишья, чтобы скоротать время. Оказалось, нет. Он обладал каким-то поразительным умением окунуться в книгу с головой, умением моментально переключаться со своих "огурцов" и "семечек" на смерть Пети-Ростова или еще что-нибудь, никак не более близкое ему сейчас. Все прочитанное вызывало у него массу различных мыслей, рассуждений, вопросов, иногда просто ставивших меня в тупик.

Я, например, довольно долго пытался убедить его (после того, как он прочел "Изумруд" Куприна), что писатель вправе писать не только о людях, но и лошадях, и даже от их имени. Он не соглашался:

— Писатель пишет, а ты читаешь и должен верить ему. И веришь. А тут знаешь, что он все придумал, и тоже веришь. Разве можно так, товарищ лейтенант?

Я пытался доказывать, что можно и даже нужно, но он только пожимал плечами и, чтоб поставить точку в нашем споре (он вообще не любил споров, считая очевидно, что чем-то обижает меня, не соглашаясь со мной), стал вызывать кого-то в трубку.

Мне очень нравились в Лешке его независимость, его желание иметь и отстаивать свой собственный взгляд на вещи, его сомнения, которые не всегда могли развеять даже такие авторитеты, как Куприн или Толстой, — о себе я уже не говорю. И всегда ему нужно было точно знать, для чего написан тот или иной рассказ, — он был чуть-чуть моралистом. И в то же время он чисто по-детски, эмоционально и непосредственно, переживал все, преподносимое ему книгами. Когда он прочитал "Попрыгунью", он долго не мог прийти в себя. По-моему, он даже всплакнул немного. Это, правда, не помешало ему тут же посетовать на Чехова, почему он так много места уделил "попрыгунье" и так мало такому хорошему, такому умному, такому замечательному Дымову. Ну хоть бы сказал, над чем он работал...

И все это происходило в каком-нибудь полукилометре от немцев, в подвале мясокомбината, всегда набитом людьми, усталыми, злыми, невыспавшимися, где лежали и стонали раненые, где умирали.

Сейчас, семнадцать лет спустя, я с какой-то особой завистью вспоминаю о Лешке, умевшем с такой легкостью абстрагироваться от всего окружающего. "Прочли ли вы то-то или то-то?" — спрашивают тебя. "Какое там... Времени нету... Давно собираюсь, да все как-то..." А он сидел себе, поджавши ногу, и читал.

Где-нибудь в сети обнаружится порыв — он загнет страницу, побежит, починит, вернется и опять глаза в книгу. И в тяжелой нашей, скучной, однообразной фронтовой

жизни Лешка стал для меня каким-то просветом, огоньком, на который я всегда с радостью забегал.

Не помню точно когда, кажется, в декабре, нас передислоцировали, передвинули правее, на северные скаты Мамаева кургана. Все мы ворчали — пришлось расставаться с привычными, знакомыми участками, обжитыми землянками. А Лешке к тому же пришлось расстаться и со своей "библиотекой". У него действительно была такая — в прошлом, очевидно, клубная, а сейчас никому не нужная, разбомбленная, заваленная кирпичом. Вот туда он и бегал, благо это было совсем рядом и с необстреливаемой стороны. Особой системой его чтение не отличалось. Читал все, что попадалось под руку. Толстой, Чехов (к сожалению, он нашел только один том), Александр Беляев, "Первый удар" Шпанова, какие-то старые журналы с оборванными обложками, а однажды я его застал за чтением Метерлинка, которого он хотя и прочел, но не очень одобрил — впрочем, он вообще не любил пьес. Делал ли он различие в том, что читал? Да, делал. Больше всего он любил трогательное и жалостливое, "чтоб за сердце щипало". Любил про детей, про животных (пожалуй, больше всего из прочитанного его потрясла "Муму"), не любил про любовь, про войну. К моему величайшему изумлению, более чем холодно отнесся к Жюльо Верну, которым мы в свое время все так увлекались. Кстати, до войны, вернее до Сталинграда, он почти, чтоб не сказать — совсем — не читал. Родился и жил в деревне, недалеко от Саратова, кончил шесть классов...

Итак, нас передислоцировали. КП первого батальона перебазировался в бетонную трубу под железнодорожной насыпью, у самого подножия Мамаева кургана. Вот тут-то Лешка и затосковал.

— Неужто у вас ничего нет почитать, товарищ лейтенант? — спросил он меня на второй или третий день после новоселья, сидя у своего аппарата и с тоской перелистывая наставление по стрелковому делу.

В те дни, когда у Лешки была еще собственная "библиотека", у меня на старом месте было тоже что-то вроде этого — десятка два книг, притащенных бойцами из разных развалин. При передислокации большинство из них я оставил в наследство нашим "сменщикам", с собой же взял только четыре книги: "Фортификацию" Ушакова, "Укрепление местности" Гербановского, "Медного всадника" с иллюстрациями Александра Бенуа и томик Хемингуэя в темно-красной обложке — "Пятая колонна и первые тридцать восемь рассказов". К слову сказать, эту последнюю книгу я украл.

Существует мнение, что кража книг не является кражей. Я эту точку зрения не разделяю. На мой взгляд, кража остается кражей, что бы ни украл — серебряные ложки, бриллианты или книгу. Во всех случаях это — преступление. И все-таки Хемингуэя я украл. Украл в штабе армии. Был там один ПНШ — очень начитанный, очкастый, длинноносый майор, в прошлом декан какого-то института, великий книжник. Когда я приходил в штаб по своим саперно-инженерным делам, он обязательно заводил со мной какую-нибудь "интеллигентную" беседу о литературе, шахматах или Художественном театре.

В однообразие обычных, осточертевших уже разговоров о минных полях, лопатах, киркомотыгах или новом НП, который надо за одну ночь построить, беседы эти вносили какую-то свежую струю. Но горе было в том, что майор в своих суждениях был так банален, так любил повторять чужие слова, что под конец он мне просто надоел со своим вечным: "А! Друг мой, зодчий бога Марса" и нудными рассуждениями о музах, молчащих, когда грохочут пушки. Возможно, именно поэтому я и украл у него Хемингуэя. Майор куда-то вышел на минутку, я посмотрел на книгу, которой он только что хвастался ("Всю войну с собой вожу, люблю в свободную от исполнения воинского долга минуту перечитать тот или другой рассказик. Большой, очень большой и своеобразный мастер"), сунул ее за пазуху и ушел. И бог его знает почему, но ни тогда, ни сейчас никаких угрызений совести не испытывал и не испытываю.

Когда я нес Лешке книгу, я невольно спрашивал себя, а поймет ли он этого писателя? Хемингуэй нелегок, не для всех, к тому же, когда я вручал книгу Лешке, выяснилось, что он не имеет ни малейшего представления о бое быков, без чего чтение доброй половины вещей Хемингуэя просто бессмысленно.

Очевидно, это была очень забавная сцена: сидят двое в крохотной землянке батальонного НП, в двух шагах от немцев (в эту ночь Лешка дежурил не на командном, как обычно, а на наблюдательном пункте), курят махорку и разговаривают о матадорах, бандерильеро, верониках и реболерах, о которых один ничего не знал, а другой хотя тоже немногим больше знал, но кое-что читал и видал в детстве картину "Кровь и песок" с участием Рудольфа Валентине.

Часа в два ночи я ушел. Была на редкость тихая, морозная, очень звездная ночь. Немец почти не стрелял, освещал только передний край ракетами, и домой, на берег, я возвращался спокойным шагом, ни разу не присев. И, шагая по истерзанной снарядами и бомбами сталинградской земле, прислушиваясь к монотонному гулу ночных бомбардировщиков — наш или не наш? — и потом, засыпая в своей жарко натопленной землянке, я думал о том, что завтра, к семи ноль-ноль, нужно сдать схему инженерных сооружений обороны полка, которую, заболтавшись, не успел закончить, о том, как тесно на войне переплелось страшное и забавное, трагичное и веселое, думал о Лешке, возможно как раз в эту минуту читающем про мадридского шофера Иполито, не проснувшегося даже тогда, когда рядом с ним разорвался снаряд, о том, что, не будь Лешки, этот хемингуэевский очерк остался бы для меня только прекрасно написанным очерком, а сейчас стал чем-то значительно большим и нужным.

В шесть часов меня разбудил Титков, мой связной, — надо было заканчивать схему.

— А парнишку-то вашего ранило, — подавая мне котелок с кашей, сказал он с тем обычным спокойствием, с каким говорил о смерти ближнего и о полученных на складе двух плитках шоколада.

— Какого парнишку?

— Да того, с первого батальона, что книжки читал... С полчаса как в медсанбат потащили...

В медсанбате (он был в десяти минутах ходу от нас) я застал Лешку приготовленным для эвакуации на левый берег. Ранен он был нетяжело, в руку и ногу осколками, но потерял очень много крови, пока дополз до КП батальона (он уже шел домой после дежурства), и требовалось переливание крови, возможное только в госпитальных условиях.

Он лежал на земле, на подстеленной плащ-палатке, очень бледный, потерявший свой девичий румянец, но с обычным для него живым блеском в глазах.

— Где же тебя кокнуло? — спросил я.

— Да там, около насыпи, где мостик, знаете? Ерунда, — он с натугой улыбнулся, — скоро вернусь. А книжка ваша... — Он скосил глаза, показывая, что она у него под головой. — Испортил немного, не сердитесь.

Оказалось, что она слегка испачкана кровью, десятка три страниц, по самому краешку.

— Ничего, это ее только украсит, — сказал я. — А прочесть успел что-нибудь?

— Очень мало. Мешали все. Капитан Коробков дежурил, а он каждую минуту: "Алло! Алло! Положение?" Три штуки только успел. Про шоферов мадридских, про старика, у которого два козла и кошка остались, и третий — про Пако, помните, как два парнишки в бой быков стали играть и Пако напоролся на нож?

— "Рог быка"?

— Ага, "Рог быка"... — Он мучительно наморщил брови. — Вот глупо получилось, а? Просто ужас... На два дюйма только... Сколько это дюйм?

— Два с половиной сантиметра.

— Значит, на пять сантиметров в сторону, и не попал бы ему в живот... Бывает же такое... — И, помолчав, добавил, глядя куда-то в сторону: — Жаль Пако, хороший парень был.

Больше нам не дали говорить. Подошел врач, и двое санитаров стали перекладывать его на носилки. Прощаясь, я протянул ему книжку:

— Чтоб не скучно в госпитале было.

Он, насколько мог, весело улыбнулся:

— Через неделю вернусь, вот увидите. И книгу верну, ей-богу, вы ж знаете меня...

Но больше я Лешку не видел. Обычная история — из госпиталя отправили в другую часть, и все. Война...

Жив ли Лешка? Хочется верить, что да. И что по-прежнему много читает. И тот томик прочел — тогда, в госпитале, или позже, после войны. Не думаю, чтоб Хемингуэй стал его любимым писателем, слишком у того много подспудного, недоговоренного, а Лешка любил ясность. Но, как это ни странно, в этих двух столь несхожих людях, старом прославленном писателе совсем из другого мира и мальчишке-солдате из-под Саратова, мне видится что-то общее. В Лешкином "жаль Пако, хороший был парень...", в этой фразе, сказанной через полчаса после того, как немецкий осколок, не отклонившись ни на дюйм, влип ему в руку, для меня звучит что-то по-настоящему мужественное, то самое, что заставило Хемингуэя полюбить своего мадридского шофера Иполито. Он сказал о нем: "Пусть кто хочет ставит на Франко, или Муссолини, или Гитлера. Я ставлю на Иполито".

И на Лешку, хочется добавить мне.

1959

Павел Давидович Коган (1918–1942)

ПОЭТУ

Эта ночь раскидала огни,
Неожиданная, как беда.
Так ли падает птица вниз,
Крылья острые раскидав?
Эта полночь сведёт с ума,
Перепутает дни – и прочь.
Из Норвегии шёл туман.
Злая ночь. Балтийская ночь.
Ты лежал на сыром песке,
Как надежду обняв песок.
То ль рубин горит на виске,
То ль рябиной зацвёл висок.
Ах, на сколько тревожных лет
Горечь эту я сберегу!
Злою ночью лежал поэт
На пустом, как тоска, берегу.
Ночью встанешь. И вновь и вновь
Запеваешь песенку ту же:
Ах ты ночь, ты моя любовь,
Что ты злою бедою кружишь?
Есть на свете город Каир,
Он ночами мне часто снится,
Как стихи прямые твои,
Как косые её ресницы.

Но, хрипя, отвечает тень:
 «Прекрати. Перестань. Не надо.
 В мире ночь. В мире будет день.
 И весна за снега награда.
 Мир огромен. Снега косы,
 Людям – слово, а травам шелест.
 Сын ты этой земли иль не сын?
 Сын ты этой земле иль пришелец?
 Выходи. Колобродь. Атамань.
 Травы дрогнут. Дороги заждались вождя...
 Но ты слишком долго вдыхал болотный туман.
 Ты верить не хочешь во что-нибудь, кроме дождя».

(1937)

Критерии оценивания

Наличие/отсутствие прямых связных ответов на вопросы и наличие/отсутствие ошибок в понимании текста	Шкала оценок: 0 – 5 – 10 – 15	Баллы. 15
Общая логика текста и логичность доказательств	Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10	10
Обращение к тексту для доказательств	Шкала оценок: 0 – 2 – 3 – 5	5
Наличие/отсутствие стилистических, речевых и грамматических ошибок.	Шкала оценок: 0 – 2 – 3 – 5	5
Наличие/отсутствие орфографических и пунктуационных ошибок (в пределах изученного по русскому языку материала).	Шкала оценок: 0 – 2 – 3 – 5	5
Максимальный балл		40

.. Для удобства оценивания предлагаем ориентироваться на школьную четырёхбалльную систему. Так, при оценке по первому критерию 0 баллов соответствуют «двойке», 5 баллов – «тройке», 10 баллов – «четвёрке» и 15 баллов – «пятёрке». Безусловно, возможны промежуточные варианты (например, 8 баллов соответствуют «четвёрке с минусом»).